

Виктор Меркушев

ГОЛОС
МОРЕЯ

Виктор Меркушев
Голос моря (сборник)

«Знакъ»

2013

Меркушев В. В.

Голос моря (сборник) / В. В. Меркушев — «Знакъ», 2013

ISBN 978-5-91638-078-1

«Голос моря» – новая книжка петербургского автора Виктора Меркушева, целиком посвящённая проблемам взаимодействия человека и стихии, причём стихии, не обязательно внешней по отношению к человеку. Иногда стихия составляет с ним единое целое, особенно тогда, когда он пытается заглянуть в себя или объяснить свою жизнь.

ISBN 978-5-91638-078-1

© Меркушев В. В., 2013

© Знакъ, 2013

Содержание

Голос моря	5
Диминуэндо	7
Сначала...	8
Последний	10
«Композитор от Бога»	11
Поклонница	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Виктор Меркушев

Голос моря

Голос моря

Море кипело, пенилось и бурлило, выбрасывая из своих глубин белый холодный дым.

Но беспокойной была не только его вздыбленная равнина – беспокойной была и сама невозмутимая доселе океаническая толща, которая вращалась тяжёлым телом подле хрупкого основания Земли, образованного из пористой окаменелой лавы.

Дремлющая стихия долго молчала, оставаясь неподвижной, словно бы вовсе не замечала того бестолкового шумного мира, что зацепился за её прежнее дно, заботливо выложенное многочисленными слоями осадочных пород, которые она собирала по своим бескрайним просторам долгие миллионы лет.

Человек не слышал сурового голоса разгневанной стихии, но что-то беспокойное и тревожное поселилось и в его душе, будто бы он случайно обронил исключительно нужную для себя вещь и она предательски закатилась в гиблые щели всепоглощающего небытия.

Человек даже не вполне понимал и осознал свою нечаянную потерю – всё вроде бы оставалось на своих местах, разве что он никак не мог вспомнить, как он когда-то отвечал на неожиданно возникшие перед ним вопросы: для чего жить, что ты умеешь и каков от тебя прок. И куда бы он не взглянул – везде перед ним, как зловещая грёза, пенилось и изрывалось тёмными гибельными валами бушующее море. Он внимательно смотрел себе под ноги, но так и не замечал того, что потерял. Он заглядывал в своё прошлое, однако там почти невозможно было что-либо ясно различить. Он видел светлые города, залитые солнцем, добрых улыбчивых людей, спешащих к нему навстречу, а, может быть, и нет, просто это ему грезилось тоже – и улыбчивые люди, и светлые города...

Он оглядывался вокруг себя и нервно прислушивался к окружающим, словно пытался уловить малейший намёк на произошедшие вокруг перемены от его злополучной потери.

Но мир по-прежнему беспечно шумел, внешне никак не обнаруживая своего беспокойства, и совсем не помнил, как однажды уже был поглощён тяжёлой водой, пришедшей к нему отовсюду.

А разбуженное море пело, но не злыми голосами диких сирен, а всей своей взволнованной массой, твёрдо решившей прирасти неблагоразумной землёй. Его грозная песня, минув слух, проникала во всякую живущую в воде или на суше тварь, заставляя её озираться по сторонам и глубже заглядывать к себе в душу, чтобы всё-таки вспомнить: для чего жить, что надобно уметь и каков от этого всего должен быть прок.

Человеку порой даже казалось, что он слышит голос моря, поскольку он каждой своей клеточкой чувствовал его приближение, непокой преследовал его, ведь он не мог не догадываться, что это по его вине проснулись тёмные волны, обращённые своей дремучей силой к суетливой земле.

Впрочем, он не особенно корил себя за рассеянность и беспечность, полагая, что во всём повинна его человеческая стая, не придающая значения таким важным вещам, от которых зависит вселенское благополучие и мир.

– Ну что я? – Успокаивал он сам себя. – Сначала я привык к безразличию этой стаи, полностью смиряясь с её равнодушием и безответственностью, затем сам научился быть безразличным, считая себя ничем не обязанным тем, кто не слышит и не замечает меня. Наконец, я и вовсе ощутил себя абсолютно независимым и свободным. Только что-то, пожалуй, я опустил и

не заметил, уронил и не оглянулся, раз подобно жуткому наваждению вырастают передо мною тёмные волны, и стелется под ногами белый холодный дым, имеющий солоноватый запах моря.

А голос моря всё креп и ширился, проникал в огромные меха невидимого небесного органа, из которого, многократно усиливаясь, добирался до самых затерянных уголков обречённых материков. Только слов его гремевшей песни, приведшей в смятение всю обитаемую твердь, не разобрал никто. Впрочем, теперь всякий мог сожалеть о том, что имеет неабсолютный слух, поскольку была эта песня исключительно о том, как жить, что надобно знать и уметь, и какой во всём этом заключён смысл.

Диминуэндо

Какая хрупкая и звенящая сушь стояла на всей земле! Знойные травы были чреваты музыкой залётных ветров, а глянцевого, наполненные солнцем, листья таили в себе хрустальные звоны случайных соприкосновений.

У Марина был великолепный голос, хотя отдадим должное всем остальным, не только у него одного. Возможно, так казалось оттого, что стоило кому-нибудь начать песню, как всё окружающее пространство отвечало ему не только чарующим и звенящим эхом, но и подхватывало эту мелодию звонами, переливами, вибрациями своих чутких горячих тел, настроенных как камертон.

Марин пел цветущим долинам, и в плотном, спрессованном жарой, воздухе звуки его голоса доносились до самого неба, где соперничали с ораторией звёзд, вечной и величественной, но медлительной и почти неслышимой из-за громких песен и звучаний земли.

Могущественное небо не могло не замечать, что в песнях земли было больше радости и красоты, чем в привычных его слуху звуках, которыми полнился небесный эфир.

– Зачем земле столько разнообразных и мелодичных песен, – решило небо и послало земле моросящий дождь, медленный и непреходящий, как сама небесная оратория.

Марин по-прежнему пел долинам, утопающим в цветах и травах, только его голос был слышен лишь ему одному. Песня вязла в бесконечной влаге, струящейся с неба, в наполненных дождевой водой травах, в отяжелевших от капель упругих древесных листьях... Нельзя сказать, что Марин потерял свой чудесный звенящий голос, как нельзя сказать, что природе не нравился чистый, питающий всё живое, непрекращающийся дождь.

Вскоре туман, наполнивший землю, поглотил любые звуки кроме шума упрямых вод и дробного, настойчивого перестука однообразного дождя. Природа забыла и звонкие песни Марина, и то, как отвечала ему долгим, переливчатым эхом радости и торжества. Природе теперь стали не нужны его песни и его чудесный голос.

Буйная зелень разрослась по всей орошённой земле. Она тянулась всё выше и выше к небу. Но всё равно не могла слышать не только гибнущих во влажном воздухе песен Марина, но и вечной и величественной музыки звёзд, к которым она почти прикасалась своими телами, полными небесной влаги и могучей жизненной силы.

Сначала...

Когда его покинули последние друзья, он, наконец, почувствовал себя совершенно счастливым.

Это случилось так естественно и так непринуждённо, словно было продиктовано насущной необходимостью или жизненной потребностью, заставляющей принимать свои жёсткие правила и не имеющей обыкновения что-то объяснять. Но он никогда и не жалел того, что могло быть легко утрачено и имело свойство теряться при любом опрометчивом или неосторожном движении. Такую неверную, ускользающую перелётность он воспринимал как самый надёжный ценностный критерий, который за всю его жизнь ни разу не давал повода усомниться в своей истинности. Недавно обрётённую свободу потерять было невозможно, поскольку это состояние никак нельзя утратить или потерять, от свободы можно только отказаться. Он был свободен и это ему нравилось. Нет, пожалуй, не так. Он был абсолютно счастлив.

С чего бы это вдруг – подумает всякий, кого ни на секунду не оставляют тревожные мысли о своих родных и близких и кто ни за что не может представить себя спокойно стоящим на берегу и смотрящим в море.

А он сколько угодно мог стоять на берегу, слушать клёкот крикливых чаек, дышать свежим морским бризом и любоваться огромным утренним солнцем, ощущая трепетное ликование суши и воды.

Время, которого раньше хватало разве что для того, чтобы куда-нибудь опоздать, теперь стало его единоличной собственностью, и, осознав это, он перестал куда бы то ни было спешить. Наверное поэтому он стал подмечать и обращать внимание на то, что раньше ускользало, не попадалось на глаза или попросту оставалось невидимым.

Прежде он никогда не замечал, что горы утром похожи на хрупкий полупрозрачный коллаж из папье-маше, а вечером напоминают тяжёлую, до своей последней поры наполненную водой губку.

Он и представить себе не мог как клубится в ущельях туман, и собираются в стаи облака, цепляясь за горные вершины.

Он не знал, что тишина может иметь тысячи оттенков. Он не видел какими многоцветными могут быть тени, переливающиеся разнообразными красками, и не чувствовал насколько долетающие со всех концов земли ветры наполнены ароматами нездешних трав, далёких лесов и цветущих лугов. Как, собственно, многообразна и интересна жизнь, когда она не принадлежит чужим заботам и не требует ни с кем делить свой досуг и свой быт.

Он будто бы вновь попал в безоблачное детство, когда впервые ощутил свою отдельность и независимость, подолгу наблюдая из-за родительского забора, как на детской площадке резвятся и играют дети.

Душа рвалась и стремилась в этот мир, но было немного страшно и где-то глубоко таилось смутное чувство, что перешагнув через порог, он тотчас утратит то, что только недавно сумел обрести: самостоятельно мыслить, сознать свою исключительность, и поступать, сообразуясь лишь с собственной волей и своими интересами.

Теперь он будто бы снова в волнении стоял у того же забора и ему приятно было смотреть как солнце бросает свои косматые лучи в этот удивительный, сверкающий мир. Он жмурился от солнечной щедрости и не мог оторваться от той красоты и совершенства, что являл собой каждый лепесток, всякая травинка, поднявшаяся от земли. Мир звал его, манил своим великолепием, но он так и не решался сделать ему шаг навстречу. Он не хотел выйти туда, где гомонила и шумела оживлённая улица, не желая потерять в цепком людском хороводе тысячи оттенков тишины, краски переливающихся теней и запахи трав и лугов, которые приносили на себе прилетающие из далёких земель ветра. Он отпрянул от калитки, пересёк двор и вышел

за ограду через вечно закрытые старые ворота в глубине сада. От них по пустынному берегу быстрой реки струилась узенькая тропинка почти до самого берега моря. Он шёл среди звенящих трав, подвижных теней и тягучего зноя, а над ним блистало это огромное удивительное солнце, рассыпающее повсюду свои косматые лучи.

Последний

Жизнь так бы и казалась ему одним днём, если бы вдруг свет не начал меркнуть, предваряя тем самым грядущую ночь.

За свою долгую жизнь он успел привыкнуть к свету, более того, он и представить себе не мог, что когда-нибудь сделается темно, ибо был одним из тех, кто в непросветлённые времена начинал строить светлое будущее и истово верил в него.

Оно предполагалось прекрасным и гармоничным, и жить в нём должны были благородные люди, наделённые светлым разумом и такой же светлой и чистой душой.

Всех тех оптимистов, мечтателей и строителей этого «светлого завтра» давно уже не было на свете, и он, пожалуй, оказался единственным, кому случилось дожить до окончания величественного долголетия.

«Светлое будущее» и в самом деле оказалось светлым, но лишь в буквальном смысле, не переносном. Его обитатели считали себя праведниками, несущими в душе Свет и живущими по благочестивым предписаниям Света.

Его раньше как-то не настораживало, что вера тем и отличается от иных свойств человеческой природы, что обязательно обращена всей своей сутью к иррациональному, неизвестному. И вовсе необязательно, что под неизвестным всегда должны были подразумеваться бескрайние горизонты науки, а под иррациональным – то, что никак не укладывалось в привычные рамки обыденного сознания. Оттого все технические достижения и возведённые постройки, воплотившие в себе самую передовую научную мысль, чем не переставали гордиться его сверстники, теперь ржавели и рассыпались, источали радиацию и ядовитый газ.

Праведники отрицали науку и не знали что им делать с остатками прежних цивилизаций. Они проклинали непросветлённость предков, и всё время твердили о конце света.

А он думал о конце истории, которая и начиналась-то с пустяка, когда кому-то вдруг вздумалось прогуливать школьные уроки, на которых учитель рассказывал о том, как предотвращать коррозию и превращать радиацию в электрический свет.

«Композитор от Бога»

С некоторых пор он стал замечать, что время принялось бежать как-то особенно быстро, заплетаясь в воронки и увлекая за собой всё, что случалось наметить и запланировать на будущее. Это совсем не относилось к его основному занятию, музыке, только все вещи, что её не касались, уже нельзя было рассматривать как вероятные события, поскольку для них, скорее всего, просто не находилось времени. Он писал музыку и писал очень хорошую музыку, если не сказать более. Только это самое «более» никак не вписывалось в контекст его жизни. Хотя он не был классическим неудачником, ибо на мысли о своей неуспешности у него тоже никогда не оставалось свободной минуты.

Однако как-то само собой, исподволь, он стал ощущать давление своей неосуществлённой жизни, которая развивалась параллельно в его воображении, где он не был непризнанным странноватым музыкантом, а был лёгким, жизнерадостным человеком, чутким и внимательным к своим близким. Да собственно, он бы и жил этой второй жизнью, радуя близких и наслаждаясь великолепием мира, в котором всё же оставалось место и для красоты, и для гармонии, если бы музыка не звучала у него внутри. Музыка везде преследовала его, он доверял её бумаге, перелагая на ноты, и там она как-то успокаивалась, замолкала, переставая давать о себе знать, и освобождала у него в душе место для новых мелодий и иных звучаний. Музыканты не знали о его существовании, но даже если бы это было не так, никому всё равно не пришло бы в голову взяться исполнять его произведения, несмотря на то, что им ли было не оценить того, что жило во всех этих хитроумных переплетениях скрипичных ключей и пестроте нот. Музыканты дули в свои медные трубы совсем иные мелодии, пробовали на вибрацию струны скрипок и виолончелей, и время у них шло строго по расписанию, согласно гастрольного графика и плана обязательных репетиций. И не было музыкантам никакого дела до странного композитора с четырнадцатого этажа типовой многоэтажки, которого не знали не только они, но и его соседи по лестничной клетке.

А между тем у неизвестного композитора была в наличии не только настоящая музыка, но и вполне осязаемая человеческая жизнь. Которой с каждой секундой становилось всё меньше, и было непонятно, чего же всё-таки добивалось время – лишить его обычных радостей земного существования или выманить у него как можно больше мелодий, чтобы впоследствии торжественно причислить их к небытию, ставя на них свои беспощадные резолюции тления или утраты.

Его время убывало, но не это расстраивало и заставляло тревожиться, а сознание того, что он ничего не в состоянии сделать для тех людей, за кого он отвечал перед своею совестью. Музыка владела им безраздельно, вытесняя всё остальное из его жизни. Только его близким совсем не нужна была музыка, а нужны были его внимание и любовь.

«Потом, потом», – думалось композитору, только это «потом» так никогда и не наступало, а вместо этого на свет являлась какая-нибудь фуга или оратория и горькое сожаление, что нечто очень важное и значительное опять передвинулось на неопределённое время, или что вернее, так и не состоится никогда.

Время несло его по жизни настолько стремительно, что он едва успевал замечать за краями своей нотной тетради события и лица, мелькающие пейзажи и города. Жизнь за краями его тетради бурлила и тоже была полна звуков, только он их почти не слышал и внимал окружению разве что тогда, когда ставил точку под очередной своей музыкальной композицией.

Часто его жизнь непосредственно соприкасалась с жизнью других: кто-то подходил к нему с вниманием и интересом, кто-то с нежностью и надеждою на взаимность. Только чем он им мог ответить кроме музыки? Музыки, которую они не понимали и в которой не видели никакого смысла.

Вот толстый мальчик в клетчатой рубашке зачем-то принёс ему из дома самые лучшие игрушки в надежде поиграть с ним. Только толстый мальчик пришёл не вовремя, поскольку юный музыкант был целиком поглощён разучиваемыми гаммами, и его невероятно заботила правильность записанных нот только что сочинённого этюда.

Вот весёлые юноши куда-то зовут его, окликают по имени, но он только нервно отмахивается от них, просит следовать без него, дабы успеть записать в блокнот набежавшую мелодию, от которой теперь уже не осталось никакого следа, поскольку её дано безнадежно затёрло и затеряло время.

И очень может быть, что он так и не заметил бы светловолосую девушку, никак не решавшуюся приблизиться к нему, если бы огромное весеннее солнце случайно не заблудилось в её волосах. Он смотрел в ясное ликование весны и видел как струятся живительные лучи от её лица, и как её осторожная тень пересекает всю землю с востока на запад.

Люди приходили, уходили, оставались рядом и неподалёку, только никто из них так и не услышал ни единого звучания, ни одного такта, которые самозабвенно записывал композитор в свои нотные тетради.

«Композитор от Бога», – говорили люди, не вполне понимая, что это такое.

«Как это, пожалуй, правильно, – думал он. – Только Он и я и могут внимать этим мелодиям, только для Него я и наполняю нотами эти бесконечные тетрадки, ревностно уничтожаемые временем. Будь я композитором для людей, мои параллельные жизни бы неизбежно сомкнулись, и я наверняка бы нашёл там всех, кого досадно не разглядел, не одарил своим вниманием, не приветил, не оценил...»

Статус «композитора от Бога» совсем не защищал нашего музыканта от времени. Оно беспощадно расправлялось не только с его мелодиями, но и с ним самим, заставляя всё ниже пригибаться к земле и лишая подвижности пальцы, ранее такие удивительно быстрые и чуткие.

Его композиции, несмотря на все старания времени, нисколько не становились хуже.

Напротив, они проникались его неосуществлённой, параллельной нереальной жизнью и звучали всё оптимистичнее, торжественнее, как будто бы звуки непосредственно обращались в чувства, а паузы – в светлые размышления. Из хитроумных переплетений скрипичных ключей и пестрящих нот, назло непримиримому времени, к нему вновь возвращались весёлые друзья, толстый мальчик в клетчатой рубашке и снова, вместо солнца в самом центре весны оказывалась светловолосая девушка, соединяющая своей осторожной тенью бледный восток и бесприютный запад.

Композитор внимал этим мелодиям словно воспоминаниям о неслучившейся жизни и сознавал, что ничего нельзя противопоставлять реальности, и его гениальную музыку тоже.

Ноты чернели у него на бумаге словно собственные следы, и по ним он мог возвращаться даже туда, куда обычно не возвращаются. Пожалуй, это была единственная привилегия, которую предоставлял ему неразъяснимый статус «композитора от Бога». Если, конечно, не считать того, что искра Божия, некогда затеплившаяся в его сердце, сумела создать свою маленькую вселенную, которая по замыслу, совершенству и внутренней гармонии намного превосходила ту, где неумолимо убывало его время, и пестрели, как обречённые ноты, его собственные следы.

Поклонница

Он стоял между этажами на лестничной площадке, курил и размышлял о том, что не так уж плохо ощущать себя прекрасным принцем, во всяком случае, ничуть не хуже, чем актёром эпизода N-ского театра, в котором служил без малого тридцать лет. Ему трудно было себе и представить, что у него может быть такая очаровательная юная поклонница, незаметной тенью следующая за ним повсюду. Он совсем не помнил эту девушку, словно её никогда и не было в зрительном зале. Хотя, по правде говоря, в зрительный зал он смотрел редко. Нет, это не было пресловутой боязнью сцены, просто ещё с училища публика воспринималась им болезненно, причём болезненно в самом буквальном смысле. Пришедшие на спектакль зрители неизменно давали о себе знать лёгким покалыванием век и каким-то неуютным ощущением в подмышках; особенно это было заметно, когда зрительный зал был полон. Оттого он не любил театральную публику и обычно в зрительный зал не смотрел.

Наша же героиня, напротив, глаз не сводила со сцены. Она ждала его выход с таким волнением, что у неё немели кончики пальцев, и кровь так сильно прилиwała к лицу, что начинало стучать в висках. Она уже не замечала ни кулис, ни сцены, ни зрительного зала – только его, даже не слышала те немногие реплики, что он произносил со сцены. Она не слышала их, ибо смысла в них для неё не было никакого. Важен был только его голос, который проникал в само её существо, переплетался с внутренней речью, и у них возникал чуткий, трепетный диалог, который уже не оставлял её до самой ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.